

# ДОМ, ГДЕ ЗИМУЮТ ПИСЬМА

---

Сергей Тимин

Сергей Тимин

**Дом, где зимуют письма**

«Автор»

2026

**Тимин С.**

Дом, где зимуют письма / С. Тимин — «Автор», 2026

Реставратор Полина Гущина приезжает в провинциальный Крутояр спасти затопленный фонд старой библиотеки, которую через месяц снесут. В доме, где раньше была почта, она находит письмо 1968 года, написанное её собственным почерком: «Илья, я видела его. Я всё видела. Прости». Письма, которые не решились отправить, умеют ждать. И Полине предстоит узнать, почему человек, выведший из огня тридцать восемь детей, остался в газетах поджигателем, и хватит ли у неё сил сказать вслух то, о чём она молчала всю жизнь.

© Тимин С., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 12 |
| Глава 4                           | 16 |
| Глава 5                           | 21 |
| Глава 6                           | 25 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

# Сергей Тимин

## Дом, где зимуют письма

### Глава 1

Свой почерк Полина узнала бы в темноте. И вот, надо же: именно в темноте она его и узнала.

Письмо лежало внутри книги, как закладка, и первое, что она подумала, вглядываясь в строчки при свете фонарика, было: я этого не писала. Второе: я это писала. Третье, самое глупое и самое верное: я это ещё не написала.

«Илья, я видела его. Я всё видела. Прости».

Дата внизу стояла аккуратная, выведенная тем же синим: 13 ноября 1968 года. Подпись - одна буква М с завитушкой, которую Полина выводила всю жизнь на каждом черновике, потому что в девятом классе ей попались французские прописи, и она решила, что это красиво.

Она выругалась, коротко и негромко, и фонарик в зубах дёрнулся. Тьма в подвале была плотная, тёплая и пахла тем особым запахом, который реставраторы между собой называют «мокрая смерть»: плесень, старая бумага, железо, немного мышей. Вода стояла по щиколотку и чуть шевелилась, когда где-то в трубе вздыхало.

Тремя часами раньше всё было суше.

Автобус Ярославль - Крутояр шёл три часа сорок минут и пах, как кабинет химии в школе: мокрая шерсть, сосновый освежитель и бензин. Полина сидела у окна, с краю, и упиралась лбом в холодное стекло. За окном шёл дождь, начавшийся ещё в Рыбинске и, кажется, решивший не заканчиваться никогда. Мимо ползли поля в коричневой щетине, покосы, чёрные коробки ферм, одинокий аист на столбе, похожий на забытую кем-то кепку.

Рядом ехала женщина с бидоном. Бидон стоял у неё на коленях, закутанный в клетчатый платок, и женщина время от времени его поглаживала, как кота.

- Грибы везёте? - спросила Полина, чтобы сказать хоть что-то.

- Грибы, - сказала женщина. - Грузди. Дочь в Ярославле живёт, у неё день рождения в субботу. А грузди в Ярославле не те, ты не пробуй, там всё магазинное.

- Не буду.

- И не пробуй, - повторила женщина и замолчала с видом человека, сказавшего всё, что хотел.

- Я в Крутояр впервые, - сказала Полина.

- Город как город, - сказала женщина. - У нас библиотека тонет. Уже десятый год тонет. Сначала трубу прорвёт, потом крышу. А теперь, говорят, и вовсе сносить будут.

Полина вздрогнула, но промолчала. Она ехала именно за этим: спасти тонущую библиотеку, три тысячи книг, часть из которых, судя по описи, относилась к восемнадцатому веку и должна была лежать совсем в других условиях. Начальство в Москве сказал: «Поля, съезди, посмотри, скажи им, что можно вытащить, а что уже нельзя». Денег дали немного, командировку на две недели и фразу: «Ты там одна, особо не расстраивайся».

Она не расстраивалась. Ей, честно говоря, было всё равно, где расстраиваться: в Крутояре, в Москве или на Марсе. Весной ушёл Антон, и Полина с изумлением обнаружила, что

горевать особенно не о ком: пять лет они жили рядом, как два аквариума на одном шкафу, свет один, а вода разная. После его ухода она две недели ходила по квартире и трогала вещи, пытаясь понять, какие из них его. Оказалось - почти никакие. Остался только кот Фёдор, рыжий, наглый и совершенно её.

Кота она оставила подруге Даше. Даша сказала: «Ну наконец-то ты куда-то поехала. Я бы на твоём месте завела роман с полярником».

Полярников в Крутояре не водилось, но река там была, и мост, и, по слухам, спасательный пост с двумя катерами.

Автобус дёрнулся, заехал в лужу размером с небольшое море и остановился на площади, обсаженной тополями. Дождь не кончился. Площадь была пустая, серая, с памятником Ленину, которого Полина сначала приняла за столб, и зданием администрации с вывеской, где одна буква не горела: «АДМИ ИСТРАЦИЯ».

Из автобуса вышли трое: Полина, женщина с бидоном и худой парень в куртке с надписью «СПАСАТЕЛЬ» на спине. Парень вытащил из багажного отделения две сумки, одну свою, одну Полину, поставил их в лужу и сказал:

- Осторожно, тут глубина.

Полина посмотрела на его спину, потом на лужу, потом на свои ботинки.

- Спасибо.

- Не за что, - сказал парень и пошёл через площадь, даже не оглянувшись.

Женщина с бидоном скрылась в переулке, бросив напоследок: «Ты в библиотеку? Там у них теперь гостиница».

Гостиница «Снежа» действительно оказалась закрыта: на двери висела бумажка от руки - «Уважаемые граждане! Ремонт по 20.10. Обращаться в отдел культуры». Отдел культуры помещался в том же здании администрации, на втором этаже, и пах там не плесенью, а совсем наоборот: кофе, духами и осенними яблоками, которые лежали в вазе на подоконнике.

Валентина Сергеевна Ключева, заведующая, оказалась женщиной плотной, с твёрдой причёской и взглядом человека, который тридцать лет согласовывает то, чего не будет.

- Гущина? Из Москвы? - она сверилась с листком. - Очень хорошо. Значит, так. Гостиница у нас на ремонте, это правда. Есть частный сектор, у Клавдии Ивановны, сорок минут пешком, триста рублей, но я вам не советую, у неё козёл.

- Козёл? - переспросила Полина.

- Живой. Во дворе. Вы же городская, вы испугаетесь.

- Я не испугаюсь.

- Ну, как знаете. А вообще, у нас при библиотеке комнатка есть, бывшая сторожка. Мы её держим для проверяющих. Там кровать, тумбочка, электрический чайник и окно, которое не открывается. Открывать не надо, там рама гнилая, упадёт. Ключи вам дам. Но предупреждаю: дом старый, ему сто десять лет, вода в подвале, свет по вечерам мигает, и вообще.

И Валентина Сергеевна сделала рукой жест, который означал сразу очень многое: всё плохо, денег нет, вы здесь никто, а я здесь тридцать лет, и мне всё равно.

- Меня устроит, - сказала Полина.

Ключи ей выдали на связке с брелоком в виде маленького конвертика. Полина вертела этот брелок в руках всю дорогу через площадь и думала, что конвертик очень подходит к её работе: она всю жизнь разбирала чужие письма, которые кто-то когда-то не решился отправить.

Дом на Соловьиной, 14, стоял на высоком берегу, спиной к реке, лицом к тополям. Двух-этажный, кирпичный, с белыми колоннами, облупившимися так, что они походили на старые свечи. Когда-то на первом этаже была почта и телеграф, на втором - библиотека. Теперь на первом было пусто и заколочено, а на втором оставались стеллажи, стол дежурного и табличка «Не сорить».

Полина открыла дверь своим ключом, с трудом, потому что замок заело, и сразу услышала воду.

Вода журчала где-то снизу, как будто в доме кто-то мыл посуду с закрытым ртом.

Она поставила сумку на стол дежурного, нашла на стене выключатель, щёлкнула. Лампочка мигнула, не загорелась, мигнула снова и дала тусклый жёлтый свет. Стеллажи уходили в темноту рядами, как замёрзший лес.

- Здравствуй, дом, - сказала Полина вслух, потому что одной было неловко. - Я Поля.

Дом ответил ей звуком капающей воды.

Комнатка сторожа оказалась узкой, с топчаном, тумбочкой и чайником, покрытым слоем пыли такой плотности, что его можно было бы принять за фетр. Окно действительно не открывалось, но в раму дуло. Полина потрогала батарею: холодная. Раздеваться не хотелось, есть хотелось, спать хотелось больше всего на свете, но сначала надо было спуститься в подвал и посмотреть, что там. По описи, именно в подвале хранился старый фонд, и именно оттуда в Москву пришла фотография: книги по колено в воде, и на одной из них написано «Крутоярское земское собрание. Отчёт за 1897 год».

Лестница в подвал была каменная, скользкая, с железными перилами, которые шатались. Полина спускалась медленно, считая ступени, и досчитала до четырнадцати, когда вода сомкнулась над её ботинком.

Подвал оказался длинным, с низким потолком и двумя окошками под самым перекрытием, забитыми досками. Стеллажи стояли в два ряда. Нижние полки ушли под воду целиком, верхние ещё держались. Пахло так, что Полина на секунду зажмурилась, и в этой темноте она впервые за долгое время почувствовала себя на месте: вот это она умела, вот это было её.

Она работала фонариком, как карандашом, водила лучом по корешкам, выхватывая то «Собрание сочинений» с выцветшим золотом, то учебник географии за 1953 год, то подшивку газет, вспухшую от воды, как тесто. Часть фонда пропала: бумага, пропитанная водой, превращается в картон, а картон - в труху, и это уже не отреставрируешь, это можно только описать и списать.

Но часть держалась.

Полина забралась на ящик, дотянулась до верхней полки, взяла наугад книгу. Паустовский, 1958 год, «Повести и рассказы», переплёт покорёженный, но страницы целые. Она открыла её, чтобы проверить, как держится бумага, и оттуда, из середины, на её ладонь скользнул сложенный вчетверо листок.

Пожелтевший, с рыжими пятнами по краям, но сухой. Книга лежала сверху, вода до неё не дошла.

Полина развернула листок при свете фонарика.

И увидела свой почерк.

Тот же наклон влево, та же петля у «д», та же привычка писать букву «я» с длинным хвостом, уходящим вниз, как будто буква спотыкалась. У неё в Москве на работе был смешной случай: коллега перепутала её записку с запиской другой сотрудницы, и они потом долго хохотали. Но у другой сотрудницы почерк был просто похож. А здесь был не «похож». Здесь был он, её, только чуть нервнее, с нажимом, от которого на обороте проступали борозды.

«Илья, я видела его. Я всё видела. Прости».

И ниже, другим движением, будто руку дёрнули: «Не могу. Боюсь».

Полина перевернула листок. На обороте, внизу, карандашом, чужой, мужской рукой, было нацарапано три слова. Она не сразу разобрала, что там, потому что карандаш почти стёрся.

Она наклонилась ближе, почти коснулась бумагой щеки, и прочитала: «А я тебя нет».

И в ту же секунду сверху, из библиотеки, со второго этажа, раздался шаг. Один.

Потом второй.

Кто-то шёл по залу над её головой - спокойно, не торопясь, не скрываясь, и половицы под ним поскрипывали так, как скрипят только под тяжестью живого человека.

## Глава 2

Полина не кинулась вверх с криком, потому что была человеком осторожным: в московской мастерской её учили, что любая книга, на которую вы кричите, ответит вам плесенью. Она сунула письмо во внутренний карман куртки, зажала фонарик в зубах и пошла вверх так тихо, как только могла, ставя ногу с пятки и держась за перила, которые шатались.

Наверху в зале горел всё тот же тусклый жёлтый свет.

Никого.

Стеллажи стояли ровными шеренгами. Стол дежурного был на месте, на нём её сумка. Окно на втором этаже выходило на тополя, и в стекле отражалась она сама: мокрые ботинки, растрёпанная, с фонариком в зубах, похожая на грабительницу, у которой ничего не вышло.

- Есть кто? - спросила она. Голос прозвучал негромко и как-то по-домашнему, будто она спрашивала у кота, не съел ли он её котлету.

Тишина ответила ей. А потом половица скрипнула. Не под ней - в дальнем конце зала, у окна, которое выходило на реку.

Полина пошла туда, обходя стеллажи, и на десятом шагу увидела на полу то, от чего у неё засосало под ложечкой: на пыли, ровным слоем лежавшей на половицах, ясно отпечатались цепочка следов. Босые. Маленькие. Детские.

Они вели от окна к стеллажу с детской литературой и там обрывались, как будто ребёнок дошёл и растворился.

Полина присела, не дыша, и потрогала след пальцем.

Пыль была сухая. Совсем сухая, хотя на улице лил дождь, а у неё самой ботинки хлюпали.

- Хорошо, - сказала она в пустоту. - Хорошо, дом. Я тебя услышала. Ты не пустой.

Она выпрямилась и тут же, без всякого перехода, услышала снаружи резкий, противный, рвущий воздух звук - так воеет старая сирена, которую забыли выключить.

Через минуту в дверь постучали. Громко, ладонью, по-мужски.

Полина пошла открывать, с удовольствием думая, что сейчас скажет этому человеку что-нибудь очень спокойное и очень длинное про то, что она из Москвы, что она здесь по делу, что дом на замке, и вообще.

На крыльце стоял худой парень из автобуса, в той же куртке с надписью «СПАСАТЕЛЬ». Надпись намокла и теперь читалась как «СПА АТЕЛЬ».

- Вы чего здесь делаете? - спросил он вместо здравствуйте.

- Живу, - сказала Полина. - Пока. А вы?

- Я работаю. Сигнал пришёл: сработка по воде. Дом на учёте как аварийный, у нас датчик стоит, старый ещё, с девяностых. Он от сырости орёт. Вы его случайно не задели?

- Я в подвале была.

- Ну вот. Там датчик на стене слева, на высоте метр. Вы мимо проходили, рукой махнули, он и взбесился.

Он говорил быстро, сердито и как-то обиженно, как человек, которого в четвёртый раз за месяц вытаскивают из тёплой машины в дождь. Полина смотрела на него и думала, что у него очень светлые глаза на тёмном лице, будто кто-то специально протёр их наждаком.

- Я Полина, - сказала она.

- Я знаю, - сказал он. - Валентина Сергеевна мне звонила: «Егор, там москвичка в библиотеку заселилась, ты проверь, чтобы она там не утонула». Я Егор. Егор Лавров. Спасательный пост, это вниз по улице, у причала.

- Лавров, - повторила Полина, потому что фамилия показалась ей знакомой, и она тут же поняла, почему: Лавров, лавр, лист. Ерунда.

- Я не утону, - добавила она.

- Все так говорят. Вы ключи от подвала не брали?

- Не брала. Там дверь была открыта.

- Вот и зря, - сказал Егор. - Там ступени гнилые. Третья снизу особенно. Вы не на третью не наступайте.

Он прошёл в зал, осветил фонарём - у него фонарь был в три раза мощнее, - постоял, глядя на стеллажи, потом вернулся и встал так близко, что Полина почувствовала запах дождя и мокрой куртки.

- Слушайте, - сказал он. - Вы вот что. Вы наверх не ходите одна. Здесь второй этаж вообще закрыт с прошлого года, перекрытие подгнило. И если вам покажется, что кто-то ходит, не надо проверять. Здесь ветер, старые половицы и трубы. В старых домах всегда кто-то ходит. Это физика, а не мистика.

- А следы? - спросила Полина.

- Какие следы?

- На полу. Босые. Детские.

Егор помолчал ровно секунду. Потом пошёл к окну, осветил, присел, провёл рукой по половице.

- Пыль сухая, - сказал он.

- Вот и я говорю.

- Я вам говорю: здесь физика. Конденсат, сквозняк, пыль ложится полосами. - Он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз так внимательно, что Полина почувствовала себя экспонатом. - Вы из Москвы, да?

- Да.

- В Москве всякое бывает. А у нас в Крутояре всё просто. Дом старый, денег нет, людей мало. И если вы начнёте здесь видеть следы, вы через неделю сами начнёте их оставлять. Понятно?

Полине хотелось сказать что-то едкое. Но она только кивнула, потому что он был прав в главном: она сама была не в лучшей форме, спала последние два месяца по четыре часа, а в такой форме человеку мерещится всякое, даже в собственной квартире.

- Понятно, - сказала она. - Спасибо за лекцию.

Егор хмыкнул, пошёл к выходу, в дверях обернулся.

- Чайник у вас работает?

- Не знаю. Пыльный.

- Работает. Мы его в августе включали, когда комиссия приезжала. А батареи не будет до пятнадцатого октября, отопительный сезон у нас начинается, когда на улице минус. Так что одевайтесь теплее. И если датчик опять взбесится, звоните, не стесняйтесь. Только не в час ночи, ладно?

- А сейчас который?

- Половина одиннадцатого.

Он ушёл. Полина закрыла дверь, постояла, прислушиваясь к дождю, и поняла, что есть всё-таки хочет до дрожи в коленках. В сумке лежали два ярославских сырка, купленных на вокзале, пачка печенья и пакетик чая «Крепкий», который Даша сунула со словами «на случай ядерной войны».

Она включила чайник, сполоснула кружку, нашла в тумбочке старую газету «Крутоярский рабочий» за март и постелила её на стол вместо скатерти. Чайник гудел так уютно, что Полина на секунду закрыла глаза.

На газетной полосе был портрет передовика, заметка «В район пришла зима», и объявление: «Дом культуры приглашает на вечер самодеятельности. Начало в 18.00. Вход свободный».

Она доела сырок, выпила чай, разделась, залезла под одеяло, которое пахло казённым складом, и долго лежала с открытыми глазами, глядя, как на потолке шевелится тень от тополя за окном.

Сон не шёл.

Она считала до ста, потом считала капли, потом считала свои глупости: Антона, квартиру, разговор с начальником, фразу Даши «завела бы роман с полярником», кота Фёдора, который, наверное, уже спит у Даши на животе и не вспоминает её вообще.

А потом, когда она почти провалилась в сон, сверху опять раздался шаг.

Один. Второй. Третий.

И ещё: скрип половицы в том самом месте, где кончалась цепочка детских следов.

Полина села на топчане. Сердце стучало не страшно, а как-то деловито, как будто говорило: ну, поехали.

Она натянула куртку, взяла фонарик и пошла в зал, твёрдо решив, что сейчас откроет окно, высунется и убедится: там просто тополь, просто ветер, просто физика.

В зале было темно, потому что лампочка наконец перегорела.

Полина посветила фонариком в угол, где были следы.

Их не было.

Пол был чистый, ровно подметённый, как будто кто-то прошёлся по нему мокрой тряпкой от окна и до самого порога её комнаты.

Она пошла по этой мокрой дорожке, чувствуя, как холод пробирается через носки, и остановилась у своей двери. Дверь была приоткрыта. Она закрывала её? Она не помнила.

Внутри, на тумбочке, рядом с чайником, лежал листок.

Белый, ровно сложенный треугольником, как складывали письма в войну и как её бабушка складывала записки, когда уходила на рынок: «Поля, суп в кастрюле».

Полина подошла, не дыша, и развернула его.

На листке, её собственным почерком, с той же французской буквой «я» с длинным хвостом, было написано одно слово.

«Останься».

## Глава 3

Утром дождь кончился, и Крутойр оказался совсем другим городом: золотым, мокрым, шумным и очень холодным. Из труб шёл дым ровными столбами, будто город курил и думал. Полина, идя по Соловьиной мимо палисадников с георгинами, думала, что всё это похоже на иллюстрацию к старому учебнику, который надо срочно реставрировать.

Она шла в столовую, которую ей посоветовала Валентина Сергеевна: «У Палыча. Там кормят, как в самолёте, только дешевле и больше».

Столовая «У Палыча» помещалась в одноэтажном здании бывшего райпо, над входом висела вывеска с нарисованной тарелкой, а на двери - расписание, написанное от руки: «Завтрак с 8.00. Обед с 12.00. Комплекс. Борщ. Второе. Компот».

Внутри пахло жареным луком и хлебом, было пусто, и за прилавком сидел мужчина лет шестидесяти с лицом, похожим на хорошо выпеченный каравай: круглым, румяным и почему-то добрым.

- Вы Палыч? - спросила Полина.

- Я Палыч, - сказал мужчина. - А вы москвичка, которая будет спасать библиотеку.

- Откуда вы знаете?

- У нас город одиннадцать тысяч человек, - сказал Палыч. - У нас утро начинается с того, что все знают, кто к нам приехал и зачем. Я в шесть уже знал, что вы вчера сирену включили. Егор звонил, ругался.

- Я случайно.

- Все случайно. Вам комплекс?

- Да.

Полина получила поднос с борщом такой густоты, что ложка стояла, котлетой, похожей на блин с характером, и компотом из яблок. Она села у окна, за которым ходили люди с сумками, и ела так, как едят только после бессонной ночи в сыром доме: сосредоточенно и благодарно.

За соседним столом сидели двое рабочих в оранжевых жилетах и спорили о бетоне. Один говорил: «Я тебе говорю, до морозов надо фундамент залить», а другой отвечал: «До морозов? Григорий Аркадьевич сказал, к декабрю объект сдать».

- К декабрю? - переспросил первый. - Ты сам-то веришь?

- Я не верю, я работаю.

Полина доела борщ и спросила Палыча, который протирал прилавок:

- А что за объект?

- Гостевой дом «Заречье», - сказал Палыч, не поднимая головы. - Зотов строит. На месте библиотеки.

Полина поставила ложку.

- На месте библиотеки? Мне Валентина Сергеевна сказала, дом аварийный и его будут сносить.

- Аварийный, - согласился Палыч. - Оно и гостевой дом будет аварийный, если Григорий Аркадьевич песок опять с экономией завезёт. Вы не смотрите на меня так. У нас в городе три новости: кто умер, кто родился и что Зотов построил.

- А что плохого в гостевом доме? - спросила Полина, хотя уже чувствовала, что сейчас ей скажут что-то неприятное.

- Ничего плохого, - сказал Палыч. - Работа, налоги, люди будут приезжать. Только место там...

Он запнулся и посмотрел в окно.

- Что место?

- Место нехорошее, - сказал Палыч. - Там, за библиотекой, овраг, а в овраге река, а за рекой деревня Заречье, где школы нет уже тридцать лет. И старики говорят, что дом этот на Соловьиной стоит не просто так. Не любят его.

- Кто не любит?

- Ну, старики не любят. Молодые не знают. А те, кто знает, молчат. Вы, девушка, ешьте, не слушайте меня, я старый дурак, мне говорить хочется.

Полина съела котлету, которая оказалась удивительно вкусной, и пошла в администрацию.

Валентина Сергеевна встретила её так, как встречают человека, пришедшего за деньгами: вежливо и настороженно.

- Ну как вам у нас? - спросила она. - Не страшно?

- Мне нравится, - сказала Полина. - А мне вчера в столовой сказали, что дом будут сносить.

- Не сносить, - поправила Валентина Сергеевна, - а расселять и демонтировать. Это разные слова для одних и тех же действий, но бумага любит слова подлиннее. У нас есть постановление. Дом признан аварийным в прошлом году, фонд вывезен частично в школу, частично - в подвал, как вы видели. Средств на реставрацию нет, такого объекта у нас в районе два, второй в Заречье, там вообще крыши нет.

- А дата?

- Какая дата?

- Сноса.

Валентина Сергеевна положила руки на стол, переплела пальцы и посмотрела на свои руки так, как будто там было написано что-то очень важное.

- Пятнадцатого ноября, - сказала она. - Договор с подрядчиком. Вы, Полина Андреевна, поймите меня правильно: я тридцать один год в культуре. За это время я похоронила два Дома культуры, одну музыкальную школу, один кинотеатр и, кажется, собственную молодость. Если бы я каждый раз билась головой о стену, у меня сейчас была бы не голова, а кулак. Я вам дам всё, что могу: ключи, свет, пропуск в архив. Но вы поймите: ваша задача - описать, что можно спасти, и вывезти. Не спасти дом. Дом не в вашей компетенции.

Полина посмотрела на неё и вдруг поняла, что эта женщина не злодейка и не бюрократка, а просто человек, который выучил единственный способ выживать: не надеяться. У неё на столе лежала фотография в рамке: два мальчика, один с рыболовной удочкой, другой с арбузом.

И ещё она заметила, что у Валентины Сергеевны на запястье - след от браслета, который она сняла давно и не носит.

- Хорошо, - сказала Полина. - Опишу и вывезу. А архив?

- Архив в подвале. Берите. Там, правда, половина - это газеты и отчёты, которые никому не нужны. Но если найдёте что-то ценное, я буду только рада.

- Спасибо.

- И ещё, - сказала Валентина Сергеевна ей в спину. - Не связывайтесь с Зотовым.

Полина обернулась.

- Почему?

- Потому что он хороший человек, пока ему не мешают, - ответила Валентина Сергеевна.

- А вы, по-моему, собираетесь ему помешать. У вас такое лицо.

Полина вышла на площадь, где уже припекало солнце и где памятник Ленину при свете дня оказался не столбом, а всё-таки Лениным, только маленьким и как будто удивлённым. Она купила в ларьке тетрадь, ручку, пачку салфеток и, подумав, резиновые сапоги сорокового размера, которые продавала женщина в платке, сказав: «Они на три размера больше, зато не промокнут никогда, мой покойный муж в них на рыбалку ходил, не жаловался».

Потом она пошла на почту, потому что обещала Даше написать, что доехала, и к обеду, нагруженная пакетами и сапогами, вернулась на Соловьиную.

И остановилась у дома.

У колонны, облупившейся, как старая свеча, стоял мужчина лет сорока в сером пальто, которое очень шло ему, как шла ему и светлая голова, и неторопливая манера говорить по телефону. Он говорил коротко:

- Да. Нет. К пятнадцатому. Не надо мне объяснять.

Положив телефон в карман, он достал из другого кармана строительный карандаш - жёлтый, толстый, пахнувший лаком - и написал прямо на кирпиче рядом с колонной две цифры.

15.11.

Обвёл их кружком.

Потом посмотрел на свою работу, остался доволен, сунул карандаш обратно и повернулся к Полине.

- Вы, должно быть, из Москвы, - сказал он. У него был голос человека, который привык, что его слушают. - Гущина?

- Да. А вы?

- Григорий Аркадьевич Зотов. Я здесь строю.

Она ожидала, что он скажет что-нибудь про то, что «старое должно уступить место новому». Но Зотов улыбнулся, показал рукой на дом и сказал:

- Красивый, правда? Мне его жалко. Если честно. Я его сносить буду. И мне его жалко.

Он постоял ещё секунду, глядя на окна второго этажа, как будто там, за стеклом, кто-то действительно стоял, потом кивнул Полине и пошёл к чёрному джипу, который ждал у тротуара с работающим двигателем.

Полина смотрела ему вслед и думала, что никогда в жизни не видела людей, которые так мало похожи на то, что они говорят.

Она поднялась на крыльцо, открыла замок, вошла, поставила пакеты и сразу поняла, что в доме что-то изменилось.

Пахло иначе.

Вчера было сыро, пыльно и немного мышино. А теперь пахло яблоками. Тёплыми, осенними, будто кто-то принёс их в корзине и поставил у печки, которой в доме не было сто лет.

И ещё: из зала доносился голос. Тонкий, детский, старательный, читающий по слогам:  
- Ма-ша и мед-ведь... Ма-ша и мед-ведь... пой-дут до-мой...

## Глава 4

Полина вошла в зал так, как входят в воду: медленно и заранее зная, что будет холодно. Детский голос не испарился. Он продолжал читать, спотыкаясь на «медведе» и каждый раз возвращаясь к началу, как заевшая пластинка.

Она обошла стеллаж - и увидела её.

Девочка лет девяти сидела на подоконнике в дальнем конце зала, свесив ноги, в розовой куртке с капюшоном и с книгой в руках. Свет из окна падал на неё так, что пылинки вокруг неё плясали, как мошки, а сами её ботинки чуть-чуть не доставали до пола, и Полина с тупым удивлением отметила: под девочкой нет пыли. Нет вообще. Тот самый чистый подметённый след.

Девочка подняла голову и сказала:

- Вы не пугайтесь. Я Лиза. Я сюда хожу, когда в школе физкультура.

- А, - сказала Полина, чувствуя, как слабеют колени. - Физкультура. Понятно.

- А вы Полина? Папа сказал, вы из Москвы и что вы про следы говорили. А вы меня видели? Вчера?

- Я вас... - Полина села на подвернувшийся ящик. - Я видела следы. Думала, это вы вчера вечером приходили.

- Я не приходила, - сказала Лиза совершенно серьёзно. - У нас вчера в семь «Спокойной ночи, малыши» и потом папа разрешил до восьми лежать. А сегодня физкультура, я не пошла, потому что у меня голова болела, а папа сказал: «Только не одна ходи», а мне одной нельзя, а не одной некого. А сюда можно, потому что здесь дом.

- Какой дом?

- Ну, этот. Он добрый. Только он скрипит.

Полина смотрела на неё и понимала, что сейчас должно быть страшно, а почему-то совсем не страшно. Девочка была настоящая: с развязанным шнурком, с липучкой, прилипшей к носку, с книгой, у которой были загнуты три страницы.

- Лиз, - сказала Полина. - А ты читала вчера, когда стемнело?

- Нет.

- А позавчера?

- Я в этот дом с августа хожу, - сказала Лиза и вздохнула так, как вздыхают взрослые, у которых спрашивают глупости. - Тётя Поля, вы не бойтесь. Здесь письма живут.

Полина замерла.

- Что здесь живёт?

- Письма. Их пишут и не отправляют, они остаются. Вот, смотрите.

Лиза прыгнула с подоконника, подошла к самому дальнему стеллажу, тому, что стоял у старой стойки выдачи, и показала на низ.

- Там дырка. Я её нашла. Только я не лазила, потому что папа говорит, что я всё равно всё сломаю, а я не сломаю.

Полина подошла, присела. Между нижней полкой и плинтусом действительно была щель, забитая старой газетой. Она потянула. Газета поехала, рассыпаясь в труху, и открылось: в стене, за доской, была выемка, сантиметров двадцать на тридцать, аккуратно обложенная когда-то фольгой от шоколада.

- Это для чего? - спросила Лиза, дыша ей в ухо.

- Это почтовый тайник, - сказала Полина. - Или просто дыра.

Она полезла рукой внутрь и нащупала бумагу. Много бумаги. Сложенной, сухой, хрустящей.

Она вытащила первый сверток - и тут же поняла, что трогать его голыми руками нельзя: реставратор в ней проснулся раньше человека. Полина побежала в свою комнату, вернулась с пакетом салфеток и пинцетом, который всегда носила с собой (Даша смеялась: «У тебя в сумке пинцет и нет помады»).

Лиза наблюдала за ней с восторгом и страхом.

- Вы врач?

- Почти. Я бумагу лечу.

Пинцетом Полина вытащила из тайника одиннадцать свёртков. Одиннадцать - она сосчитала дважды, потому что число оказалось почему-то важным. Все разного размера и разной бумаги: один на листке из школьной тетради, другой на плотной, почти ватманской, третий, самый старый, на обрывке обоев, похожем на газету 1943 года.

Она разложила их на столе дежурного, как раскладывают карты, и сказала Лизе, которая уже стояла над душой:

- Не дыши на них. Серьёзно.

Потом она села, надела перчатки, которых, к сожалению, не было, и вздохнула.

Первый конверт был белый, без марки, без адреса. На нём крупными печатными буквами - детскими или старательно поставленными - было написано: «ПАПЕ».

Полина развернула листок.

«Пап, ты обещал приехать на каникулы и не приехал. Мама говорит, ты занят. А я думаю, ты забыл. У нас зима, река встала, мы с ребятами на коньках бегаем до Заречья. А ещё у меня в школе двойка по пению, но это я сам, я специально, потому что не хочу петь. Пап, напиши. Я буду ждать. Твой Витя».

Внизу стояла дата: 1993.

Полина перевернула листок. Сзади, другим карандашом, приписка: «Я не отправил. Боялся, что мама увидит и расстроится».

- Ему сколько лет? - спросила Лиза.

- Не знаю. Двенадцать, наверное.

- Он сейчас старый?

- Ему сейчас лет сорок пять, - сказала Полина и тут же поймала себя на том, что считает в уме быстро и безошибочно, как считают только реставраторы, привыкшие к датам.

Она улыбнулась этому счёту и в ту же секунду поняла, что письмо оказалось у неё не просто так. Палыч. Палыч - Виктор Палыч. Столовая. Отец, который обещал приехать и не приехал, а теперь кормит людей борщом и протирает прилавки.

- Лиз, - сказала она. - А Палыч у нас кто по имени?

- Кто?

- Палыч. Из столовой.

- Так это Виктор Палыч, - удивилась Лиза. - А что?

Полина не ответила. Она смотрела на детский почерк и чувствовала, как внутри у неё, под рёбрами, разворачивается что-то тёплое и очень давнее, забытое: ощущение, что ты кому-то нужен.

Она работала реставратором десять лет. За это время через её руки прошло два архива, один семейный фонд с письмами 1912 года, три альбома с фотографиями, которые она склеивала по кусочкам, и одна тетрадь с рецептами, из которой она до сих пор иногда готовила. Бумага была её профессией, но не её страстью: она просто умела. И вот теперь, в сыром доме на Соловьиной, сидя на ящике, она впервые за очень долгое время почувствовала то, что чувствуют врачи, когда больной открывает глаза: письмо смотрело на неё. Оно ждало тридцать три года.

- Лиз, - сказала она. - А ты знаешь, почему письма не доходят?

- Ну, почта плохая.

- Не всегда. Иногда их просто не отправляют.

Она положила письмо Вити отдельно, в файл, который нашла в сумке, и взяла следующий свёрток. Тот был другой: плотная бумага, тушь, аккуратный канцелярский почерк. Начало без обращения.

«Прости меня, если сможешь. Я понимаю, что не смогу объяснить. Просто живи».

И всё. Ни подписи, ни даты.

Третий: на обороте открытки с видом Крутояра, с надписью «Привет из нашего городка!», короткое: «Не приезжай. Здесь я».

Четвёртый: клочок, вырванный из амбарной книги, карандашом, крупно, как пишут в темноте: «Мама, я жив».

Пятый, шестой, седьмой - такие же. Письма, которые написали и не отправили. У каждого была одна общая черта, и Полина поняла её на шестом: все они были обращены к живым. Ни одного - к мёртвым. Ни одного - к Богу. Только к тем, кто мог ответить.

Она разложила их в ряд, как карты, и сказала Лизе, которая уже сидела на столе, свесив ноги:

- Смотрите. Вот письмо прощения. Вот письмо просьбы. Вот письмо про страх. А вот это...

Она взяла одиннадцатый свёрток.

Он был другим. Не листок и не конверт, а целая стопка, перевязанная белой ниткой, крест-накрест, так, как перевязывали снопы и бандероли. Бумага желтоватая, плотная, одного формата. Сверху, на обёртке из газеты, чужой рукой было написано: «М.Д. 1968. Не вскрывать».

- Не вскрывать, - прочитала Полина вслух.

- И не надо, - сказала Лиза. - Там написано не вскрывать.

Полина посмотрела на девочку, потом на стопку, потом на окно, где в пыльном свете плясали мошки.

- Знаете, Лиз, - сказала она. - Когда на бумаге пишут «не вскрывать» - это значит, что там внутри что-то очень важное. Или что кто-то очень боится, что вскроют.

- А вы вскроете?

- Я реставратор. Моя работа - вскрывать то, что склеилось, и склеивать то, что порвалось. Она потянула нитку.

Нитка была старая, но крепкая, как жила. Она не рвалась. Полина подцепила её пинцетом, потянула сильнее, и в эту секунду вниз, в подвале, сработал датчик: сирена взвыла так,

что Лиза подпрыгнула и вцепилась Полине в плечо, а сама Полина выронила пинцет и, кажется, сказала вслух то же слово, которое год назад говорила, когда Антон уходил и хлопнул дверью.

Потом стало тихо.

Пинцет лежал на полу. Нитка не порвалась. Стопка лежала на столе, нетронутая.

- Это папа, - сказала Лиза. - Он сейчас придёт и будет ругаться. Он говорит, что сирена у него в печёнках.

Она спрыгнула со стола и пошла к лестнице, и Полина пошла за ней, потому что без неё девочку в этот дом лучше было не пускать, а выгонять она её не собиралась.

На крыльце действительно стоял Егор, мокрый, злой, с фонарём.

- Полина, - сказал он. - Я же просил.

- Я знаю.

- Вы знаете. - Он посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на Лизу, которая стояла у неё за спиной и держалась за её куртку двумя руками. - Лиза.

- Пап, - сказала Лиза. - Я пойду, я всё объясню.

- Ты дома должна быть.

- У меня голова болела.

- Голова у тебя болит ровно в те дни, когда физкультура.

Лиза вздохнула и пошла к отцу, волоча рюкзак.

Егор смотрел на дочь, потом на Полину, и Полина вдруг увидела, что он устал так, как устают только от того, что делают каждый день и без надежды.

- У нас в доме письма, - сказала она ему.

- Что?

- В стене. Тайник. Я нашла одиннадцать штук. Одно 1993 года, от мальчика отцу. Отец - Палыч.

- Полина...

- И ещё стопка. 1968 год. С надписью «не вскрывать».

Егор молчал секунды три. Потом сказал:

- Я сейчас отвезу Лизу и вернусь. Вы ничего не трогайте.

- Я и так ничего не трогаю.

- Вот и хорошо.

Он ушёл, ведя дочь за руку, и Полина смотрела им вслед: широкий мужчина в мокрой куртке и маленькая девочка в розовой куртке с капюшоном, оба по колено в лужах, оба, кажется, не разговаривают.

Она вернулась в зал, села на свой ящик и посмотрела на стопку с надписью «М.Д. 1968. Не вскрывать».

М.Д.

Мария Дроздова. Она ещё не знала этой фамилии, но почему-то была уверена, что узнает её очень скоро.

Полина взяла сумку, сунула в неё письмо Вити, тетрадь и ручку, натянула резиновые сапоги сорокового размера, которые хлюпали при каждом шаге, и пошла в столовую, потому что знала теперь точно: письма в этом доме не хранятся.

Они ждут.

## Глава 5

Утром Полина сделала то, что делает любой человек, который не спит ночь: выпила две кружки чая, умылась холодной водой и пошла в столовую с очень твёрдым намерением съесть ещё один борщ.

Палыч был на месте. Он стоял за прилавком и выкладывал на тарелку пирожки так бережно, как будто это были не пирожки, а новорождённые.

- С добрым утром, - сказала Полина.

- С добрым, - сказал Палыч. - Вам борщ?

- Сначала можно без борща. У меня к вам разговор.

Она положила на прилавок файл. Внутри лежал листок из школьной тетради, тонкий, пожелтевший, с той самой крупной детской буквой «П», похожей на флажок.

Палыч посмотрел на файл, потом на Полину, и у него почему-то дрогнула щека.

- Что это?

- Прочитайте.

Он протёр руки о фартук, хотя руки были чистые, и взял файл. Читал долго. Полина видела, как у него шевелятся губы: он читал вслух, беззвучно, как читают люди, учившиеся читать по слогам и не отучившиеся.

Потом он дошёл до приписки сзади и остановился.

- Откуда это? - спросил он.

- Из дома на Соловьёвой. Он бывший почтовый, там в стене тайник. Письма, которые не отправили.

- Не отправили... - повторил Палыч и посмотрел на неё так, будто она сказала, что письмо упало с неба. - А как оно там оказалось? Оно же... оно же сыну.

Полина ничего не ответила. Она ждала.

Палыч обошёл прилавок, сел на стул у окна, потом встал, потом опять сел.

- Десяносто третий, - сказал он. - Я на Севере работал, вахта, Надым. Полгода через полгода. Деньги были - ужас какие по тем временам. А дома Витька. Двенадцать лет ему было, как раз вот в ту зиму.

Он помолчал.

- Я обещал приехать на каникулы. Сказал: «Витя, встретим Новый год, я прилечу». А меня замена накрыла, человек заболел, и мне говорят: или ты остаёшься, или ребята без смены. Мне дали телеграмму? Нет. У нас связи не было, телефон у бригадира. Я написал домой письмо, обычное, мол, задержусь. А Витька мне вот это написал. И не отправил. Видите: «я не отправил, боялся, что мама увидит».

Полина кивнула.

- Я приехал в апреле. Мальчик молчит. Мать говорит: «У него переходный возраст». А он просто обиделся. И знаете, обида эта... она как заноза. Он вырос, в Тюмень уехал, институт закончил, женился, у него сын. А мы с ним вот уже двадцать лет как... - Палыч махнул рукой. - Поздравления на Новый год в сообщении. Точка. Я думал, это потому, что я тогда не прилетел. А оказывается, он мне ещё и письмо написал. И пожалел меня.

Он вытер лицо ладонью, быстро и сердито, как вытирают не лицо, а досаду.

- Вы мне его дадите? - спросил он.

- Я вам отдам копию. Оригинал я забирать не имею права: это находка, она на балансе района, я её опишу.

- А копия будет точно такая?

- Я сделаю так, что вы не отличите.

Полина сходила в администрацию, где Валентина Сергеевна долго и подозрительно смотрела на неё поверх очков, но ксерокс дала («Только бумагу мою не жгите, у нас лимит»). Копия вышла серая, с полосой от стекла, зато текст читался. Полина положила её в такой же файл и отнесла в столовую.

Палыч взял копию двумя руками, как берут птицу.

- Спасибо.

- Звоните ему, - сказала Полина. - Прямо сейчас.

- А если он не захочет?

- Захочет. Ему сорок пять, он уже сам отец. Он всё понимает.

- А если нет?

- Значит, вы сделали то, что должны были. Это тоже что-то.

Она не стала есть борщ. Она вышла из столовой, прошла мимо памятника Ленину, мимо ларька с сапогами, мимо двух старушек, обсуждавших цену на картошку, и села на скамейку у дома культуры, на которой было написано ножом: «Здесь были мы».

Потом она достала телефон и позвонила маме.

Лидия Степановна ответила на третьем гудке:

- Поля? Наконец-то. Я уже думала, ты пропала.

- Привет, мам. Я в командировке.

- Я помню. Ты ешь?

- Ем.

- А спишь где?

- В библиотеке. Там комнатка сторожа.

- В библиотеке? - Лидия Степановна помолчала. - Ты как-то странно говоришь. Ты болеешь?

- Нет.

Полина смотрела на тополя и думала, что сейчас ей надо сказать всего одно предложение. Одно. «Мама, у меня всё плохо, и плохо уже давно, и я молчу, потому что не хочу тебя расстраивать».

Она открыла рот.

- У нас тут ремонт в подъезде начали, - сказала Лидия Степановна, - и представляешь, красят в тот же ужасный цвет. Я им говорю: ну нельзя же так, у нас же люди живут, а мне отвечают, что по смете. По смете! А четвёртый этаж вообще затопили на прошлой неделе, у Соколовых обои пошли пузырями. И погода, ты посмотри, какая погода. У нас в Подольске восемь градусов, а дождь как в ноябре.

Полина слушала. Она слушала про подъезд, про Соколовых, про смету, про то, что у Лидии Степановны опять болит колено и что врач «молодой совсем, слушать не умеет». Она слушала и думала: вот сейчас, в паузе, когда мать переведёт дух, я скажу.

Пауза была. Полина её слышала. Она даже почувствовала, как у неё на языке сложились первые слова.

И сказала:

- Mam, у меня всё хорошо.

- Ну и славно. Ты береги себя. Звони.

- Пока.

Она сидела на скамейке, держа телефон в руке, и чувствовала то же самое, что чувствовала вчера в подвале, глядя на чужой почерк: стыд. Не за то, что солгала, а за то, что солгала так легко, почти профессионально. Она не отправила. Опять.

Вечером пришёл Егор.

Он принёс удлинитель, лампу-переноску и пакет, в котором, судя по запаху, были яблоки.

- Вам свет нужен, - сказал он, ставя всё на стол дежурного. - Эта лампочка у вас сгорела?

- Сгорела.

- Вот. А это яблоки. У Лизы в школе осенняя ярмарка, мы три килограмма купили, она сказала: «Полине отнеси». Она у меня теперь про вас каждые десять минут.

- Спасибо.

Полина включила лампу. Зал сразу стал другим: жёлтым, уютным, похожим на огромную кладовку, в которой кто-то устроил праздник. Егор огляделся и вдруг спросил:

- Ну и где ваши письма?

Она показала. Он сел, прочитал Витино письмо, не прикасаясь к бумаге, держа руки на весу, как человек, который боится испачкать.

- Вы отдали Палычу, - сказал он. Это не был вопрос.

- Отдала.

- И?

- Он плакал. Потом пошёл звонить сыну.

- А если сын не возьмёт трубку?

- Возьмёт.

Егор положил письмо на стол, потом взял стопку, перевязанную ниткой, и повертел её в руках.

- А это что?

- Не знаю. Не вскрывала.

- Но собираетесь.

- Собираюсь.

Он усмехнулся - не зло, а как-то устало:

- Знаете, в чём ваша беда? Вы из Москвы, и вы привыкли, что всё можно исправить: написать жалобу, позвонить, найти человека, восстановить бумагу. А здесь, Полина, люди живут с тем, что не исправили. И живут нормально. Иногда даже счастливо. Вы не будите то, что спит. Оно укусит.

- Вы сегодня сказали, что в старых домах всегда кто-то ходит, - ответила Полина. - А я вам скажу иначе: в старых домах кто-то молчит. И если дом решил заговорить, значит, его достало.

Егор смотрел на неё долго, и Полина уже собралась сказать что-нибудь резкое, когда он вдруг произнёс:

- У Лизы мама умерла три года назад.

Он сказал это так, как роняют тяжёлое: неожиданно и сразу на пол.

- Опухоль, - добавил он. - Год. Лена была... - Он искал слово и не нашёл. - Она была очень живая. Из тех людей, которые рядом с собой делают погоду. Вы таких видели?

- Видела.

- Вот. А когда она умерла, у нас в доме сделалось тихо. И я три года живу в этой тишине. Я не жалею. Я просто... я знаю, что это такое, когда ты что-то не сказал человеку, а потом уже некому.

Он поднялся.

- Я пойду. У меня дежурство с восьми. А вы... - он посмотрел на стопку, - вы осторожнее. Ладно?

- Ладно.

Когда он ушёл, в зале остался запах яблок, мокрой куртки и ещё чего-то, от чего Полине стало тепло и неуютно одновременно.

Она села на свой ящик, положила стопку на колени и взяла со стола складной ножик, которым резала переплётный шнур.

Нитка была тугая, старая, с узелком, затянутым не женской рукой. Полина поддела узел лезвием, потянула, и нитка лопнула с тихим сухим звуком, похожим на тот, с каким рвётся старая тесьма на книге, которую открывают впервые за сто лет.

Сверху лежало письмо.

Бумага плотная, желтоватая, почти не тронутая временем. Почерк был тот же, что на черновике из Паустовского: её собственный, с французской буквой «я».

В правом верхнем углу стояла дата: 4 сентября 1999 года.

А ниже, вместо обращения, крупно и решительно:

«Тому, кто это найдёт».

## Глава 6

Полина читала при свете лампы-переноски, и получалось, что она сидит в жёлтом круге, а за её спиной стоит дом и слушает.

Писем было пять. Она разложила их по датам: 13 ноября 1968, 15 ноября 1968, 3 декабря 1968, 9 мая 1969, 4 сентября 1999. Тридцать один год на пять листков.

Первое оказалось тем самым, черновым, тем, что лежало в Паустовском. Только здесь текст был длиннее.

«Илья, я видела его. Я всё видела. Прости. Не могу. Боюсь. Я шла от Кати Снегирёвой, мы сидели до половины одиннадцатого, чай пили, а когда вышла на дорогу, у склада стоял человек. Я сначала подумала - сторож. А потом увидела канистру. Он был без перчаток, и руки у него были белые, очень белые, я их даже в темноте увидела. Потом я побежала. Я бежала до самого моста и всё думала: надо вернуться, надо посмотреть, что он делает. И не вернулась. Илья, ты скажешь, что я должна была. Я должна была. Но я не могу. У меня мать лежит, у меня брат на заводе, нам здесь жить. Прости. Не могу. Боюсь».

Полина дочитала и посидела неподвижно.

Потом взяла второе.

Оно было написано через два дня, и почерк на нём был другой: не летящий, а рваный, с кляксами, с продавленными дырками там, где ручку прижимали слишком сильно.

«Илья. Тебя нет. Я не успела. Я написала письмо, я даже конверт надписала, я дошла до почты и не зашла. Я сидела на крыльце, пока тётя Нюра не открыла, и отдала ей заказное для мамы, а твоё оставила в сумке. А в четыре утра прибежала Катька Снегирёва - она бежала к школе, а увидела меня и закричала, что школа горит. Я прибежала. Я видела, как тебя вынесли. Ты был в своей куртке, той, что я штопала на локте. Я штопала плохо, нитка была светлее. Прости меня за нитку, Илья. Прости за нитку, за всё остальное я не прошу».

Полина положила руку на листок и почувствовала, что бумага тёплая. Она знала, что это ерунда, что бумага всегда такая, но руку не убрала.

Третье письмо было коротким и страшным.

«3 декабря 1968. Мне сказали: если ты скажешь, посадят не его. У него трое детей, у него брат в райкоме. А Крутицкий один, и он уже никого не защитит. Мне сказали это прямо, в кабинете, человек в сером костюме, я даже фамилию его не спросила. Я спросила: а как же правда? А он говорит: правда у нас одна, в газете написано. А я читала газету. Там написано, что ты курил и уронил. А ты не курил, Илья, ты не курил никогда, даже на рыбалке, когда комары. Я молчу. Я молчу и живу. Мне двадцать лет, а мне кажется, что восемьдесят».

Четвёртое, от 9 мая 1969, оказалось совсем другим: тихим, почти спокойным, написанным человеком, который научился носить своё горе, как гирию на поясе, и не падать.

«Илья, сегодня девятое мая, и в городе салют. Я вышла на крыльцо и смотрела. У нас у всех теперь такая жизнь: мы ходим, едим, работаем, спим, а внутри у нас война, про которую никто не знает. Я устроилась в библиотеку. Представляешь? В библиотеку. Мне дали ключ и сказали: «Мария Семёновна, здесь тихо, здесь бумага, с бумагой хорошо». И правда хорошо. Только я всё время думаю: а вдруг ты не успел вывести кого-то? А мне потом сказали, что ты вывел всех. Всех до одного. И вернулся за Таней Снегирёвой, потому что она спала на втором этаже. Её нашли? Мне никто не говорит. Я боюсь спросить. Если она погибла, я не переживу. Илья, я хожу мимо твоего дома каждый день. Мне двадцать один год, а мне кажется, что восемьдесят».

Пятое, от 4 сентября 1999 года, Полина читала последним и дважды, потому что после первого раза у неё дрожали руки.

«Тому, кто это найдёт. Меня зовут Мария Семёновна Дроздова, я библиотекарь, мне пятьдесят один год. Я прожила жизнь и не сделала главного. В ночь на четырнадцатое ноября тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года сгорела Заречьенская школа-интернат. Поджёг её человек, которого я видела. Я молчала тридцать один год. Мне сказали тогда, что правда никому не нужна, а я поверила, потому что мне было страшно и потому что мне хотелось жить обычной жизнью. Обычная жизнь у меня получилась. А правда не получилась. Илья Крутицкий, который вывел из огня тридцать восемь детей, остался в сводках поджигателем. У него никого не было, и заступиться за него было некому. А у меня была возможность, и я её не использовала. Если ты это читаешь, значит, ты меня понимаешь. Не суди. Сделай то, чего я не смогла. Спроси почтальоншу Зинаиду Ершову, она знает. Она единственная, кто знает, и она старая, и она тоже молчит. Торопись».

Полина положила это письмо отдельно, на край стола, туда, где свет был ярче всего.

Потом она сидела и смотрела на стену, на которой висел старый плакат: «Читайте! Учитесь! Берегите книгу!», и думала одну очень простую мысль: тридцать восемь детей.

Она знала это чувство: когда ты держишь в руках документ и понимаешь, что за цифрой стояли люди. Тридцать восемь фамилий в списке. Тридцать восемь человек, которые сейчас старые или мёртвые, и которые всю жизнь считали, что их спасший был поджигателем. Или не считали. Или не знали.

Полина встала, натянула сапоги сорокового размера, взяла фонарик и пошла в подвал.

Вода за ночь не ушла. Стало даже чуть хуже: Полина прикинула, что трубу не перекрыли, а просто закрыли глаза, и что к ноябрю подвал будет полон доверху. Но её сейчас интересовала не вода, а газеты.

Подшивки стояли на верхней полке, перетянутые бечёвкой: «Крутоярский рабочий», год 1968. Она сняла их, держа над головой, донесла до лестницы и там уселась прямо на ступеньку, потому что в подвале света не было, а под лестницей была сухая площадка сантиметров сорок.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.